

ДВУХСЕРИЙНЫЙ АТТРАКЦИОН МЫСЛИ

CRITICISM

ОПТИМИЗИРОВАНО
ДЛЯ ВОЗМУЩЕНИЯ

КАК КРИТИКА ПИТАЕТ
КОНТЕНТ-МАШИНУ

КОРМИ.
ИЗМЕЛЬЧАЙ.
ПОВТОРЯЙ.

ФАБРИКА МЫСЛЕЙ
НИКОГДА НЕ ОСТАНОВИТСЯ

ИДЕЙ
НЕ ОСТАЛОСЬ

КАЖДОЕ СЛОВО
НА ПРОЦЕССИНГЕ

КОНТРОЛЬ
КАЧЕСТВА?

ПЕРЕОЦЕНЕН

Zhenya ManIn

АЛГОРИТМУ
ВСЁ РАВНО
ОН ПРОСТО
ПЕРЕВАРИВАЕТ

Zhenya ManIn

Двухсерийный Аттракцион Мысли

«Автор»

2026

ManIn Z.

Двухсерийный Аттракцион Мысли / Z. ManIn — «Автор», 2026

Эта книга - уникальный литературный эксперимент «два в одном» и сеанс беспощадного авторского саморазоблачения. В первой части читатель найдет оригинальный художественный текст. Во второй - ядовитый, сатирический и кристально честный разбор этих же рукописей, выполненный самим создателем. Автор добровольно снимает маску демиурга, встает на место самого циничного критика и разносит собственное детище в пух и прах. От автора: Я буду искренне рад, если почтенный читатель сподобится взглянуть на это издание под двумя разными углами. Посмотреть на него сначала сочувствующим взором автора, иссушившего остатки мозга ради этих строк. А затем - безжалостным глазом критика, мечтающего запустить этот фолиант в камин. Вдогонку к сказанному просится катрен: Когда в сети, от скромности далёки, Плодятся конкурсы безумных рифмоплётов, Критик плюётся, изучая эти строки, А автор ждёт признанья идиотов.

© ManIn Z., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	6
Граница в фарфоровой чашке.	8
Осторожно, самострел!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Zhenya ManIn

Двухсерийный Аттракцион Мысли

ГЛАВА 1

Граница в фарфоровой чашке.

Представь себе человека. Хотя нет, это слово слишком тесно для него. Пусть он будет существом, сошедшим с туманных кадров меланхоличной драмы или рожденным в тонких, экспрессивных линиях темного аниме. Главное в нем нет ничего от первозданного зверя. В его жилах не течет дикая, слепая кровь хищника, иначе эта история оборвалась бы, так и не успев начаться. Зверь повинуется инстинкту, а наш герой наш герой обречен выбирать.

Он сидит на краю старой, покрытой патиной крыши, где-то на стыке неоновой мегаполиса и вечных сумерек. Его силуэт размыт, словно художник забыл провести финальный контур. В его осанке сквозит та самая хрупкая, но негибкая элегантность, которая бывает только у персонажей, переживших крушение собственного мира.

Он кутается в безразмерный плащ, подол которого подхватывает холодный ночной ветер. У него человеческие руки с длинными, тонкими пальцами пианиста или хирурга, но когда он смотрит на свет фар внизу, в глубине его неестественно темных глаз вспыхивает то, что не принадлежит земной анатомии. Это взгляд существа, которое помнит рождение звезд, но прямо сейчас отчаянно пытается понять, почему люди на улицах так спешат спрятаться от дождя.

Он одинок той глубокой, осознанной изоляцией, которая доступна лишь мыслящему разуму. В нем живет память о боли, о сложных политических интригах его родины, о тихих кулуарных разговорах, где судьбы решались одним фальшивым вздохом. Он осколок грандиозной, но угасающей эпохи.

Вглядись в него лучше. Он замер в ожидании. Часы на башне за его спиной вот-вот начнут свой отсчет, и именно его решение человека или духа, но никак не зверя запустит лавину событий, из которых соткнется наша дальнейшая история

Будни Рея, а именно так, коротко и глухо, как щелчок выключателя, звали его те немногие, кто вообще знал о его существовании, текли серой, тягучей патокой. Если бы кто-то решил снять о нем драму, это были бы самые скучные первые серии в истории кинематографа. Никаких спецэффектов, никакой фоновой музыки. Только бытовой реализм.

Утром он просыпался за пять минут до будильника, не от звонка, а от въедливого, монотонного гула за окном там, внизу, город уже начинал перемалывать своими железными челюстями утренние пробки. Рей долго смотрел в потолок, на котором ложились косые тени от оконной рамы. Потом сползал с кровати.

Его дни были зажаты в тиски банальной рутины. Рей учился на заочном и подрабатывал в небольшой архивной конторе оцифровывал старые каталоги. Пыльная, сухая работа, где самым ярким событием за день мог стать порез о край пожелтевшей бумаги.

Обедал он там же, за столом, заваленным папками. Его гастрономический мир был лишен изысков и делился на две крайности. Иногда, когда накатывала тоска по уюту, он покупал в пекарне на углу тяжелые, еще теплые пирожки с клюквой. Кислая, вязущая начинка обжигала язык, и в этом было хоть какое-то ощущение жизни. В другие дни, когда сил не оставалось совсем, он просто заливал кипятком копейный рамен прямо в пластиковом стакане. Сидел, глядя, как разбухает лапша под хлипкой картонной крышечкой, и слушал, как тикают настенные часы.

Вечера принадлежали одиночеству. В терминологии интернет-форумов Рей классически «сычевал». Он не любил шумные компании, не листал ленты соцсетей в поисках чужого одобрения. Его прогулки были редкими и всегда ночными, когда улицы пустели, а неоновые вывески аптек и круглосуточных минимаркетов окрашивали мокрый асфальт в ядовито-розовые и синие цвета.

Он мог часами бродить по спальному району, засунув руки глубоко в карманы безразмерной толстовки. Смотрел на светящиеся окна многоэтажек, за каждым из которых теплилась чужая, чуждая ему жизнь. Возвращаясь в свою пустую съемную однушку, он заваривал крепкий чай, садился на подоконник и просто смотрел в темноту.

Это были самые обычные, среднестатистические ночи. Время, когда мир вокруг него казался абсолютно плоским, безопасным и предсказуемым. Он был невидимкой в толпе, песчинкой в городском механизме. Рей и сам верил, что так будет всегда. Он еще не знал, что эта серая тишина лишь затянувшаяся экспозиция перед тем, как его привычный мир треснет по швам.

Следующая ночь выдалась душной и липкой, из тех, что заставляют часами вышагивать по комнате, не находя себе места. Не выдержав духоты четырех стен, Рей накинул куртку и пошел к старой, наполовину заброшенной городской набережной месту, куда редко забредали случайные прохожие.

Там, в самом конце бетонного пирса, где не горели фонари, он остановился и посмотрел вниз.

Перед ним раскинулась водная гладь. Черная, тяжелая, похожая на расплавленный деготь. Река в черте города редко бывала чистой, но ночью темнота скрывала весь мусор и масляные пятна, превращая речную поверхность в огромное зеркало, затянутое мистической глубиной. На ней, словно мазки масляной краски на холсте, дрожали длинные, вытянутые отражения далеких мостов и неоновых вывесок. Желтые, ядовито-зеленые и багровые полосы света лениво извивались при каждом тихом всплеске, превращая воду в живую, пульсирующую мембрану.

Рей перегнулся через ржавые перила, вглядываясь в свое собственное отражение. В этой зыбкой темноте его лицо казалось чужим, разбитым на фракталы мелкой озерной рябью. Вода выглядела обманчиво спокойной. В ее идеальной, сонной горизонтали не было ни суеты архивных каталогов, ни шума вечных уличных пробок. Было лишь бесконечное, затягивающее безмолвие.

Ему вдруг показалось, что если долго и неотрывно смотреть в эту черную бездну, то стирается грань между небом и землей. На мгновение накатило странное, почти гипнотическое чувство невесомости: будто он стоит не на прочном бетоне, а завис в пустоте, и стоит сделать один шаг вперед, как он полетит вверх, в космос, отраженный в этой идеальной водной глади. Но где-то в самой глубине этой черной воды уже зарождалось едва уловимое, пока еще беззвучное эхо перемен.

Рей смотрел и смотрел, загнипнотизированный этим темным движением, пока еще не понимая главного. Для него это была просто грязная городская река, вобравшая в себя яд неоновых вывесок. Но вода в любом её проявлении, от бескрайнего океана до случайной капли на стекле никогда не бывает просто жидкостью. Вода это зеркало, лишенное памяти. Древняя, чуткая граница между тем, что мы привыкли считать реальностью, и тем, что терпеливо ждет своего часа по ту сторону.

И граница эта уже начала истончаться. Рей опустил взгляд чуть ниже, туда, где изломанные полосы света от моста сходились в одну точку, и замер. Дыхание перехватило. На глубине пары метров, прямо под маслянистой поверхностью, лениво скользили крупные тени. Это были карпы кои огромные, декоративные рыбы, которых никак не могло быть в сточной городской реке. Их чешуя отливала блеклым золотом и багровыми пятнами, но пугало другое. Когда одна из рыб плавно повернулась боком, подставив спину под свет далекого прожектора, Рей разглядел ее голову.

У карпов были человеческие глаза.

Большие, с мутными, бездонно-черными зрачками и отчетливыми белками, налитыми вековой усталостью. Эти глаза не были слепыми они смотрели прямо на Рея. Разомкнув блед-

ные, почти человеческие губы, рыбы выпустили к поверхности цепочки серебряных пузырей и синхронно ушли на глубину, оставив после себя лишь едва заметный водоворот.

Рей резко отшатнулся от перил, чувствуя, как к горлу подступает холодный ком. Сердце заколотилось в ушах тяжелыми ударами, заглушая гул далекого шоссе. Ему показалось, что он сходит с ума от недосыпа и архивной пыли. Он попятился, развернулся и почти побежал прочь с пирса, стремясь поскорее укрыться в безопасности своей невзрачной квартиры.

Минут через двадцать он уже захлопывал за собой хлипкую дверь однушки. Руки заметно дрожали. Чтобы успокоиться, Рей привычным, доведенным до автоматизма жестом щелкнул чайником, бросил в кружку пакет крепкого черного чая и залил его крутым кипятком. Густой темный настой закружился в фарфоровых стенках.

Он сел за стол, пододвинул к себе кружку и наклонился, чтобы сделать первый глоток. Горячий пар обжег лицо. Рей посмотрел на черную глянцевую поверхность напитка, ожидая увидеть там свое бледное, взъерошенное лицо с синяками под глазами.

Но вместо его отражения со дна кружки на него смотрел чужой силуэт.

В темной чайной глади отчетливо проступили контуры изящного женского лица с тонкими, аристократическими чертами и длинными, развевающимися волосами. Она не двигалась, словно застывшая под толщей льда, но её взгляд пронзительный и отчаянный был устремлен прямо на него из этой крошечной фарфоровой бездны. Поверхность чая дрогнула, хотя Рей даже не дышал на нее, и чужое отражение беззвучно шевельнуло губами, словно пытаясь выкрикнуть имя, которое он не смог услышать.

Рей замер с протянутой рукой, понимая, что его обычные, среднестатистические будни закончились навсегда. Изнанка мира только что постучалась к нему изнутри его собственной чашки.

Рей застыл, не смея даже пошевелиться. Сердце колотилось где-то в самом горле, а пальцы, сжимавшие ручку кружки, побелели от напряжения. Он смотрел в темную фарфоровую бездну, и женский силуэт в чайной глубине казался пугающе четким. Он видел изящный изгиб её бровей, видел, как её призрачные волосы плавно колышутся в такт какому-то невидимому течению. Время словно остановилось, растягивая это безумное мгновение до бесконечности. Изнанка реальности смотрела на него, не отрываясь.

Его веки отчаянно зажгло от сухости. Не выдержав, Рей судорожно, на долю секунды моргнул.

И всё исчезло.

Он резко встряхнул головой и уставился в кружку. Никакого чужого силуэта. Из темного, почти черного чая на него смотрело его собственное, до боли знакомое лицо бледное, со взъерошенной челкой и темными кругами под глазами от вечного недосыпа. Самый обычный, уставший парень, засидевшийся за полночь. На поверхности настоя лениво покачивался крошечный пузырек воздуха, и больше ничего. Рей медленно опустил кружку на стол. Горячий чай глухо плеснул о фарфоровые стенки.

«Мне показалось, пронеслось в мыслях, и эта идея принесла с собой волну трусливого, но такого спасительного облегчения. Просто показалось. Нельзя столько работать. Оцифровка этих проклятых архивных каталогов до добра не доведет. Пыль, тусклый свет монитора, а потом еще эта душная ночь на набережной»

Он потер виски ладонями, пытаясь прогнать наваждение. Разум, воспитанный в рамках строгой, серой повседневности, судорожно цеплялся за логику. Конечно, это была просто оптическая иллюзия. Свет от уличного фонаря как-то странно преломился в оконном стекле, упал под углом на глянец чая, а воспаленный мозг сам дорисовал пугающие детали. А те рыбы на реке? Наверное, просто крупные карпы, сбежавшие из какого-нибудь дорогого ресторана, а человеческие глаза лишь игра теней и бликов на маслянистой воде. Люди видят лица в очер-

таниях облаков и подгоревших тостов, это известный психологический феномен. Парейдолия. Да, именно так это и называется.

Рей выдохнул, заставив себя успокоиться, и сделал осторожный глоток. Чай был самым обыкновенным горьким, крепким, обжигающим.

Он встал, выключил свет на кухне и пошел в комнату. Мир снова стал плоским, безопасным и понятным. И все же, ложась в постель и натягивая одеяло до самого подбородка, Рей поймал себя на том, что боится посмотреть на стоящий на тумбочке стакан с водой. Сомнение, крошечное и острое, как осколок стекла, уже засело где-то глубоко внутри. Он изо всех сил убеждал себя, что ему почудилось. Но в глубине души, в той самой темноте, которую не обмануть логикой, он уже знал: его прежняя, среднестатистическая жизнь дала едва заметную, но необратимую трещину. Продолжение следует...

Осторожно, самострел!

Внимание, дорогие мои!

Только что я совершил акт высшего писательского мужества - закончил и опубликовал критику на свой собственный текст из первой части. Естественно, шадить себя я не стал, поэтому разнос получился исключительно сатирическим, едким и безжалостным.

Разбор полетов от сатирика

О, вы только посмотрите, как мы резко сменили амплуа! От мокрой стекловаты студенческих будней мы воспарили в стратосферу рафинированного пафоса и густого подросткового сплина. Перед нами манифест «Я слишком загадочен для этого серого мира, погладьте мой плащ». Приступим к вскрытию.

Трудности перевода. Автор умоляет: «*Представь себе человека. Хотя нет, это слово слишком тесно для него*». Какая драма! Рост в две головы мы уже проходили, теперь существо просто не влезает в рамки биологического вида. Ему тесно в слове «человек». Видимо, букв маловато, нужно срочно дописать еще парочку.

Телевизионный генез. Наш загадочный бродяга сошел «с туманных кадров меланхолической драмы или рожден в тонких, экспрессивных линиях темного аниме». Перевожу на русский: автор пересмотрел корейских сериалов, заполировал это «Токийским гулем» и решил, что метафора «он выглядит как мультяшка» — это вершина психологизма.

Вегетарианский дракон. «*В его жилах не течет дикая, слепая кровь хищника... Зверь повинуется инстинкту, а наш герой обречен выбирать*». Конечно, выбирать! Например, между латте на кокосовом и матча-чаем. Нам так долго доказывают, что он не животное, будто у читателя уже возникло подозрение, что на крыше сидит обычный челябинский енот.

Крышный урбанизм. Место действия — «на стыке неоновой мегаполиса и вечных сумерек». Географический шедевр. Видимо, парень сидит ровно на границе между ночным клубом и неосвещенным спальным районом, где коммунальщики опять забыли вкрутить лампочки.

Художник подшофе. «*Его силуэт размыт, словно художник забыл провести финальный контур*». Простите, у аниматоров закончился бюджет? Или у главного героя просто проблемы с резкостью из-за питерского тумана? Если силуэт размыт, то это не загадочность, это близорукость у наблюдателя.

Пальцы и звезды. Классический набор юного литератора: «*пальцы пианиста или хирурга*» (а почему не карманника или гинеколога?), безразмерный плащ и, конечно же, взгляд, который «*помнит рождение звезд*». Но при всей этой космической мудрости, бедолага «*отчаянно пытается понять, почему люди на улицах так спешат спрятаться от дождя*». Действительно, великая галактическая загадка! Существо помнит Большой взрыв, но додуматься, что людям просто не хочется лечить пневмонию и портить укладку, его древний меланхолический мозг не в состоянии.

Он рожден из драмы и тени,
Весь размытый, как старый матрас,
Смотрит вниз на людские движенья
Из глубин неземных своих глаз.

Градус экзистенциального киселя стремительно растет. Автор, видимо, решил, что если трижды повторить слова «глубокий», «осознанный» и «эпоха», то текст автоматически превратится в Кафку. Но увы, пока получается лишь гимн затяжной депрессии безработного.

Политика вздохов. Наш герой помнит *«сложные политические интриги его родины»*, где всё решалось *«одним фальшивым вздохом»*. Боже, какие ранимые политики на его родине! Представляю эти кулуарные битвы: один министр шумно высморкался — и пала империя, другой кашлянул — и началась гражданская война. Грандиозная эпоха угасла просто от хронического бронхита правящей элиты.

Угроза лавины. Автор зловеще шепчет: *«Именно его решение запустит лавину событий»*. И тут же, без паузы, швыряет нас в грандиозный экшен: *«Утром он просыпался за пять минут до будильника»*. Вот это поворот! Вот это лавина! Весь мир замер в ожидании тектонического сдвига, а великий дух древности просто сползает с кровати, чтобы почесаться.

Имя-выключатель. *«Рей коротко и глухо, как щелчок выключателя»*. Спасибо, что пояснили акустические свойства имени. Хорошо, что его не назвали Эдуардом, а то пришлось бы сравнивать со звуком падающего унитаза бачка.

Железные челюсти пробок. Утренний город *«перемалывал своими железными челюстями утренние пробки»*. То есть город жрал свои собственные машины? Метафора столь же аппетитная, сколь и логичная. Наверное, выхлопные газы - это отрыжка мегаполиса.

Великое стояние. Рей *«долго смотрел в потолок Потом сползал с кровати»*. Если бы о нем действительно сняли дораму, то спонсором первых серий выступило бы средство от бессонницы и вялости. Похоже, главная тайна этого древнего существа - где взять мотивацию, чтобы просто почистить зубы.

Но будит древний разум злой
Не зов богов, не крик лавины
А утренний дорожный вой
И ползанье с кровати мимо.

Господа, запасаемся антидепрессантами. Наш древний космический дух, помнящий рождение звезд и падение империй от одного вздоха, официально превратился в типичного нелюдимо студента-заочника. Эволюция персонажа просто потрясает воображение.

Архивный апокалипсис. Самым ярким событием дня для бессмертного существа становится *«порез о край пожелтевшей бумаги»*. Каков накал страстей! Какая драма! Если в первой главе у нас были золотые глаза и тайны веков, то теперь у нас производственная травма офисного планктона. Скоро мы начнем сопереживать сломавшемуся степлеру.

Драконья кулинария. Гастрономический мир великого разума сузился до *«копеечного рамена прямо в пластиковом стакане»*. Я прямо вижу эту картину: сидит осколок угасающей эпохи, философски наблюдает, как *«разбухает лапша под хлипкой картонной крышечкой»*, и думает о вечности. Видимо, глубина его изоляции измеряется исключительно глутаматом натрия.

Клюквенный катарсис. Но иногда Рей шикает. Он покупает *«тяжелые пирожки с клюквой»*, чья кислая начинка дарит ему *«хоть какое-то ощущение жизни»*. Если для ощущения жизни древнему существу нужен пирожок, то его родина явно погибла не от интриг, а от банального авитаминоза.

Сыч из космоса. Автор гордо вводит нас в курс дела: *«В терминологии интернет-форумов Рей классически "сычевал"»*. Какое точное, а главное - невероятно поэтичное описание для мистического существа. От «дыхания богов» к «сычеванию» на дваче за один абзац.

Неоновый минимализм. Гуляет наш сыч исключительно ночью, любуясь, как *«вывески аптек окрашивают мокрый асфальт в ядовито-розовые цвета»*. Ну конечно, куда же еще идти существу со взором угасающей эпохи? Только к круглосуточной аптеке. Наверное, присматривает мазь от порезов архивной бумагой или средство от изжоги после рамена.

Его удел лапша в стакане,
Пирог со клюквой в час тоски,
И сычевание на диване,
Пока не высохнут мозги.

Наш экзистенциальный сериал продлен на следующий сезон, и сценаристы продолжают нещадно экономить на динамике. Герой упорно отказывается делать хоть что-то общественно полезное, предпочитая косплеить профессионального созерцателя пустоты.

Архитектурный вуайеризм. Рей часами бродит и смотрит на *«светящиеся окна многоэтажек»*. Какая глубокая метафора отчуждения! На самом деле в спальных районах за такое созерцание окон первого-второго этажей можно легко получить в табло от бдительных местных жителей. Но нашему духу везет — его спасает статус невидимки.

Чайный катарсис-2. Вернувшись, он снова *«заваривал крепкий чай, садился на подоконник и просто смотрел в темноту»*. В прошлый раз был рамен, теперь чай. Если сюжет не сдвинется, в следующей главе мы будем подробно читать, как великий разум угасающей эпохи три часа выбирает в супермаркете туалетную бумагу (желательно ядовито-розового цвета, под цвет аптечных вывесок).

Пророческий спойлер. Автор прямым текстом заявляет: *«Он еще не знал, что эта серая тишина — лишь затянувшаяся экспозиция»*. Спасибо, дорогой автор, что признался! Мы-то думали, это тонкий психологизм, а это просто затянувшаяся экспозиция. Читатель уже три страницы ждет, когда мир «треснет по швам», а трещит пока только читательское терпение.

Липкая ночь. Ночь выдалась *«душной и липкой»*. Похоже, в этом городе климат регулируется исключительно синонимами к слову «неприятно». Из-за этой липкости Рей идет на *«наполовину заброшенную набережную»*. Прекрасный выбор места для ночных прогулок одинокого романтика. Обычно на таких набережных обитают либо бродячие собаки, либо нетрезвые романтики с арматурой, но наш Рей ищет глубинные смыслы.

Финальный саспенс. И вот - кульминация! Он пришел на пирс, *«где не горели фонари, остановился и посмотрел вниз»*. Потрясающе. Интрига века. Что же он там увидел в кромешной тьме, где не горят фонари? Мусор? Старую крышку? Дохлую рыбу? Или там плавают Хината, у которой окончательно размокла её университетская форма? Ждем продолжения этой гидрологической драмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.